

Чжэцзы-гэ сидел на краю кана и с улыбкой наблюдал, думая, что, вероятно, когда у них с Лю Яоцином появятся дети, он будет вести себя точно так же.

Деревенские старейшины, получив известие, охотно согласились подняться на гору на пир, но никто не пришел с пустыми руками. Вечером, когда семьи собрались за ужином, старики, словно сговорившись, поставили перед собой самых способных молодых людей, взвесили одного, взвесили другого и в итоге выбрали самого лучшего.

— Завтра пойдешь со мной на гору, посмотришь, чем сможешь помочь, — сказал старик.

Выбранные молодые люди радостно закивали, как куры клюющие зерно:

— Конечно.

Они шли не ради еды и питья, а чтобы посмотреть, чем смогут помочь, и, возможно, обратить на себя внимание Лю Яоцина, чтобы потом тоже получить возможность работать на горе.

В прошлом году, когда мастерская лепешек только начинала работать, многие в деревне сомневались. Но теперь, видя, как Сюань-гэр ведет деревенских женщин, зарабатывающих больше, чем мужчины, работающие в городке или уезде на тяжелых работах, и при этом все они каждый день возвращаются домой, а на Новый год получают столько хороших вещей, плюс дополнительные 20 монет от Лю Яоцина, все задумались.

А еще несколько мужчин, работающих в теплице, хотя их условия и не были такими хорошими, как в мастерской лепешек, тоже получали ежедневную оплату, что было намного легче, чем работать вдали от дома. Лю Шуйхэ сам говорил, что работа в теплице больше похожа на игру, совсем не утомляет.

Теперь Сюань-гэр и Лю Шуйхэ с женой работают на горе, каждый день получая две зарплаты, а бабушка У каждый день радуется, ведь в доме появилось мясо и хорошая еда. После Нового года она выглядит даже моложе.

Сколько глаз в деревне смотрят на это, кто не мечтает работать на горе?

Лю Яоцин попросил Ли-ши заранее подготовить блюда, пир был обильным. Полтуши свиньи, купленной перед Новым годом, еще лежала замороженной на улице, и Ли-ши теперь не жалела мяса — в каждом блюде его было половина, а еще были свежие лепешки, которых точно хватит на всех.

Вино «Нектар небожителей», которое Лю Яоцин берег, тоже было вынуто — небольшой кувшин, но на каждого хватит по маленькой чашке.

Увидев, что старики пришли с молодыми людьми, и даже Пятый дядя Лю привел своегомышленного внука Шуй-гэ, Лю Яоцин всё понял, но не стал говорить об этом, а попросил Пятого дядю Лю усадить стариков и начал подавать блюда одно за другим.

Блюда подавали братья Су Ци, Су Лю и Су У, которых специально отвлекли от работы в мастерской лепешек.

Все они были одеты в одинаковую одежду, заходили с тарелками, ставили на стол и уходили, не говоря лишних слов. Это произвело впечатление на всех, и они начали думать, что Лю Яоцин действительно щедр. Эти дети раньше были бездомными нищими, о которых в ямэнь не было никаких записей, а теперь стали постоянными работниками на горе, хорошо одетыми и

сытыми, и их жизнь была лучше, чем у многих в деревне.

Если кто-то сегодня попадет в поле зрения Лю Яоцина, возможно, вскоре и он начнет жить хорошо.

— Это растет быстро, дает много плодов, можно есть как овощ или фрукт, и это редкость, — Лю Яоцин держал в руках огурец и объяснял. — Я хочу, чтобы наша деревня тоже начала выращивать огурцы, как и дикую горную ягоду. Когда придет время, приходите ко мне за семенами, а выращенные огурцы продавайте мне, я найду, как их продать.

Увидев, что старики задумались и не трогают еду, Лю Яоцин снова пригласил всех есть и пить.

Полтарелки было мясом: жареная свинина с огурцом, яичница с огурцом, яичница с помидорами и простой суп из помидоров — кислый и горячий. Выпив глоток, все почувствовали себя комфортно.

Пока в доме ели и обсуждали предложение Лю Яоцина насчет огурцов, молодежь, которую привели старики, не осталась без дела. Лю Яоцин поручил Син-гэ отвести их на общую кухню, где они могли поесть.

В этом году Хань Да тоже стал постоянным работником на горе, и Лю Яоцин решил, что они не будут готовить еду сами, а будут есть вместе с Су Ци и другими на общей кухне. Каждый день было мясное блюдо, на обед и ужин — рис, а утром — каша, иногда были булочки и паровые пирожки, а свежие продукты из теплицы всегда были в наличии. Их жизнь была лучше, чем у многих в деревне.

Сегодня на общей кухне было тушеное мясо: куски свинины тушились, а потом добавлялись овощи. Готовилось просто, но пахло вкусно. Молодежь, пришедшая с стариками, увидев такое, загорелась глазами и наперебой спрашивали Син-гэ:

— Лю Яоцин всё еще нуждается в работниках? У меня много сил, я не ленюсь, лишь бы кормили, могу работать и без зарплаты!

Мужчина, говоривший это, считал, что его семья живет неплохо, раз в несколько дней они едят мясо, а тут работники на горе едят большие куски тушеного мяса!

— Это не мне решать, — улыбнулся Син-гэ, проводил их к Су Ци, поговорил немного и тут же сбежал.

Раздача огурцов для посадки, чтобы вся деревня могла их выращивать, была хорошим делом, и никто не стал бы отказываться. Но раз за разом Лю Яоцин делился с деревней своими благами, и всё это складывалось в слишком много хорошего, что могло привести к обратному эффекту.

Несколько стариков тайно обсудили это с Пятым дядей Лю и попросили его поговорить с Лю Яоцином.

Все были в одном доме, и любые движения были заметны, но Лю Яоцин делал вид, что ничего не замечает.

— Мы обсудили и решили, что нельзя постоянно пользоваться твоей добротой, — Пятый дядя Лю, как староста, был подходящим человеком для таких слов, и сам он тоже не отказался. — Ты, кажется, ни в чем не нуждаешься, так как насчет того, чтобы мы вместе построили для тебя храм предков?

Хотя Лю Яоцин был парнем и по правилам после свадьбы он должен был принять фамилию мужа, но очень немногие строго придерживались этого. Были семьи, где не было сыновей, и тогда парень оставался в доме, дети получали его фамилию, и он становился главой семьи, а также вносился в родословную.

В роду Лю был храм предков, но теперь Лю Яоцин был известен даже императору. В прошлом году деревня Шангу сделала столько шума, а в этом году кукуруза, картофель и помидоры будут распространяться по всей стране через императорский двор, и еще больше людей узнают о деревне Шангу. Но почему-то никто не пытается отобрать эти блага, даже Чжао Фэйтэн, который приезжал и несколько дней суетился, потом исчез.

Эти старики, прожившие долгую жизнь, уже давно обсуждали это между собой и пришли к выводу, что Лю Яоцин, хотя и талантлив, и его имя известно императору, но Чжэцзы, вероятно, тоже не простой человек.

Иначе почему деревня Шангу словно обрела опору? Почему ни один злодей не посмел сюда явиться?

Всё это вместе взятое давало Лю Яоцину достаточно оснований, чтобы выделить свою ветвь и построить храм предков. И, судя по тому, как Чжэцзы слушался Лю Яоцина, вероятно, в будущем именно он будет главой семьи, и храм должен быть с фамилией Лю.

К тому же строительство храма предков имеет свои особенности: чем больше людей участвует, и чем больше фамилий среди них, тем больше благословения будет для будущих поколений.

Теперь, когда Пятый дядя Лю серьезно предложил это, он видел, что Лю Яоцин перевез третью ветвь семьи на гору, не позволял Лю Цюаньцзиню спускаться в деревню, а Ли-ши редко появлялась в деревне. Похоже, он хотел окончательно отделиться от старика Лю.

Ранее они просто разделили семью, и Лю Цюаньцзинь всё еще считался частью ветви старика Лю. Но если Лю Яоцин действительно построит храм предков, то в будущем Лю Цюаньцзинь, хотя и сможет называть старика Лю отцом, будет иметь другой статус.

Лю Яоцин не ожидал, что деревенские старики думают так далеко. Он сам думал о том, чтобы выделить свою ветвь семьи, но планировал делать это постепенно, чтобы, когда у него родится ребенок, тот мог взять фамилию Лю и стать основателем новой ветви.

Очевидно, нельзя недооценивать этих стариков, они слишком проницательны.

Всё, что Лю Яоцин делал в деревне, включая раздачу семян и помощь семье Нью, теперь принесло неожиданные плоды, и это его обрадовало.

— Я согласен. Мой отец тоже должен согласиться, я поговорю с дедушкой и выберу место на горе, — сказал Лю Яоцин. Такую хорошую возможность он, даже не будучи готовым, никогда бы не упустил.

Чжэцзы-гэ, сидя рядом, тоже радовался за Лю Яоцина. Он помнил, как тот жил у старика Лю, когда даже кусок мяса или яйцо нельзя было принести слишком много, иначе они не доходили до Лю Яоцина. Теперь, живя на горе, он наконец обрел свободу.

— Хорошо, потом мы обсудим детали и вернемся к тебе, — сказал Пятый дядя Лю, облегченно вздохнув, когда Лю Яоцин согласился.

<http://bllate.org/book/16688/1532105>